

Господь говорит: **«СВЕТИЛЬНИК ДЛЯ ТЕЛА ЕСТЬ ОКО. ИТАК, ЕСЛИ ОКО ТВОЕ БУДЕТ ЧИСТО, ТО ВСЕ ТЕЛО ТВОЕ БУДЕТ СВЕТЛО; ЕСЛИ ЖЕ ОКО ТВОЕ БУДЕТ ХУДО, ТО ВСЕ ТЕЛО ТВОЕ БУДЕТ ТЕМНО».** Человеческое око – не

просто орган зрения. Оно неотделимо от свободного разума. Увидеть, это всегда значит – оценить увиденное, составить о нем мнение. И Господь хочет, чтобы у нас было светлое око, и учит, как надо смотреть, например, на природу. Он говорит: «Взгляните на птиц небесных». И увидите, что «они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, а Отец ваш Небесный питает их». Затем Он говорит: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут». Он зовет удивиться их неповторимой красоте, и сравнить, как далеко до нее нарядам царя, на которого работают тысячи людей. Лилии «ни трудятся, ни прядут; но» «и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них».

Господь учит нас и на себя смотреть, как на того, кто сотворен быть царем всей твари, и кто поэтому вправе рассчитывать на гораздо большую заботу со стороны Творца. Он говорит: «Вы не гораздо ли лучше» малых птиц? И если «траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры»? Поэтому «не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, и для тела вашего, во что одеться».

Но скажет кто-нибудь: «Что же, надо сидеть и ждать, пока Бог за нас все сделает»? А Господь на это снова подсказывает: «Взгляните на птиц небесных». А правда: разве хоть минуту находят они в праздности? Они летают, выют гнезда, собирают корм. Но – посмотрите на них: пришла ночь, и они спокойно спят, не заботясь, не переживая, «что день грядущий мне готовит». Так и нас Господь зовет не к праздности, не к легкомысленному расточению приготовленного на завтра. Он только предостерегает от безбожной озабоченности. Чтобы мы не терзались при виде неудачно складывающихся обстоятельств, чтобы темным оком не смотрели в завтрашний день: «что нам есть»? или «что пить»? или «во что одеться»? Так мы заранее убиваем себя скорбями, которых еще нет и, Бог даст, вообще не будет.

А ведь истинные воины Христовы даже хвалятся «скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия

излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть»

Поэтому будем светлым оком смотреть вперед. Что будет завтра? – А будет Бог, как Он был и вчера, как Он есть и сегодня. Бог вовеки Тот же, и «Свою любовь он доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Посему тем более ныне, будучи оправданы кровью Его, спасемся Им от гнева. Ибо, если будучи врагами, мы примирились с Богом смертию Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его».

Прот. Вячеслав Резников

ИЩИТЕ ЖЕ ПРЕЖДЕ ЦАРСТВА БОЖИЯ И ПРАВДЫ ЕГО, И ЭТО ВСЕ ПРИЛОЖИТСЯ ВАМ (МФ. 6:33).

Слушатели-христиане! Отчего ныне у нас много недовольных? А очень много недовольных! Недовольство становится общей почти болезнью. Кто ныне доволен? Крестьяне большей частью недовольны; мещане, купцы – тоже недовольны, и самые богатые из них недовольны; дворяне, чиновники и все служащие большей частью недовольны; даже мы, духовные, не всегда довольны. А ведь сколько ныне всяких удобств для жизни, всяких улучшений, преобразований к лучшему по всем частям!

Итак, отчего же нам жить стало не лучше прежнего, несмотря на все жизненные улучшения? Оттого это, слушатели, что мы главное забываем. Что такое? Бога, Божие Царство, Божию правду. Да, чего мы себе желаем, о чем заботимся, чего

ищем? Того только, чтобы было нам где жить, что есть, что пить, во что одеваться и как бы повеселиться. А о Боге, о достижении Царства Его, об оправдании перед Ним и не думаем и не помышляем или мало помышляем, как будто мы для того, главное, и рождаемся, и крестимся, чтобы пожить, повеселиться – только. Царство Божие внутри нас, то есть наше спокойствие, наше довольство – в душе нашей, а в ней-то и нет у нас спокойствия,

довольства, потому что она у нас не сыта. Настоящая, истинная наша пища, действительно питающая нас, – пища духовная: Бог, Царство Его и оправдание пред Ним, а мы большей частью кормимся одной земной, чувственной пищей. Да, так.

Отчего бы, кажется, людям богатым, знатым не быть довольными? Все удобства для жизни и в жизни у них есть, а они очень и очень недовольны – недовольнее нас, небогатых, недовольнее иногда самых бедных из нас. Именно это оттого, что у них, у этих богатых и знатных, душа не довольна, потому что у них она не сыта, они не дают ей пищи духовной, то есть не о Боге думают, не Царства Божия ищут, не об оправдании своем пред Богом заботятся. Иисус Христос сказал для всех людей, на все времена: ищите прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам, то есть главным образом Царства Божия ищите, желайте, правыми пред Богом быть, старайтесь, заботьтесь – и будете всегда сыты, спокойны и всем в жизни довольны. А без этого никогда, ничем довольны не будете и ни от каких улучшений жизненных лучше вам не будет в жизни.

Да, причина нашего недовольства жизнью в нас самих. От всех нынешних улучшений нам не лучше прежнего, потому что мы в душе своей не улучшаемся, не делаемся лучше.

Так, Царства Божия прежде всего ищите и пред Богом правыми главным образом живите, тогда и земным своим царством будете довольны; тогда и неправдой человеческой огорчаться не станете. Недовольство наше – болезнь души нашей, а не что-нибудь другое.

Прот. Родион Путятин

ОТКУДА ВЗЯЛСЯ СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД?

Окончание. Начало в ПЛ №396

НЕ ТОЛЬКО СИНОДАЛЬНЫЙ

Характерно, что еще до революции 1917-го г. Синодальный перевод далеко не воспринимался как единственный возможный русский текст Библии. Во-первых, в Лондоне в 1866 – 1875 гг., т.е. практически параллельно с Синодальным, был издан перевод В. А. Левинсона и Д. А. Хвольсона, который предназначался «для употребления евреям». По стилю, впрочем, он весьма близок к Синодальному. Существовали и другие переводы, предназначенные для евреев. Такие издания, как правило, выходили с параллельным древнееврейским текстом, иногда перевод сопровождался комментариями. Прежде всего, тут стоит упомянуть издания, подготовленные Л. И. Мандельштамом (выходили в Берлине в 1860-е и 70-е гг.) и О. Н. Штейнбергом (Вильна, 1870-е гг.). Не прервалась эта традиция и по сей день, хотя современные переводы «для евреев» куда меньше походят на Синодальный, чем сто лет назад.

Но и с христианской стороны переводческая деятельность продолжалась. Многим известен перевод Нового Завета, выполненный обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым (С-Петербург, 1905), цель которого состояла в том, чтобы приблизить русский текст к церковнославянскому.

Кроме того, предпринимались переводы Ветхого Завета с Септуагинты. В 1870-е гг. выходили отдельные книги в переводах епископа Порфирия (Успенского), а затем и П.А. Юнгера (Казань, 1882 – 1911 гг.). Из всех этих переводов наибольшую известность получил юнгеровский перевод Псалтири, переизданный в 1996 г. Он довольно академичен и предназначен, прежде всего, для самостоятельного разбора трудных мест славянского или греческого текста. Для келейной молитвы такой текст плохо подходит.

Выходили вплоть до 1920-х гг. также переводы отдельных книг, выполненные самыми разными авторами, которые стремились передать красоту и глубину поразившего их библейского текста. Это, к примеру, Послания к галатам и ефесянам в переводе А.С. Хомякова; Притчи Соломоновы в переводе епископа Антонина (Грановского); Песнь песней и Руфь в переводе А. Эфроса.

Раздавались и голоса в пользу ревизии Синодальной Библии. Славист и библеист И.Е. Евсеев написал даже отдельную работу «Собор и Библия» к Поместному Собору 1917–18 гг. Основные претензии к Синодальному переводу были связаны с его стилем. Действительно, история перевода такова, что основные его черновики писались в ту пору, когда язык классической русской прозы только еще складывался. Но приговор Евсеева кажется нам все же слишком суровым: «Язык этого перевода тяжелый, устарелый, искусственно сближенный со славянским, отстал от общелитературного языка на целый век».

Собор действительно высказал ясное намерение приступить к подготовке новой версии перевода Писания, но, как нетрудно понять, скоро перед Церковью встали совершенно другие задачи. Речь уже не шла о том, насколько хорош Синодальный текст и в каких отношениях его можно было бы исправить – скорее, о том, будет ли Библия вообще в каком бы то ни было переводе доступна русскому читателю. При коммунистической власти Синодальный перевод стал переводом исповедническим: именно его рвали и топтали на допросах (как рассказывал о своем собственном допросе адвентист М.П. Кулаков), его провозили нелегально из-за границы, его получали в читальных залах библиотек по специальному разрешению, его переиздавали крайне редко и очень ограниченными тиражами, нередко переписывали от руки. В результате именно через него приходили ко Христу поколения наших соотечественников, и сегодня многим из них трудно представить себе, что возможна какая-то другая русская Библия.

СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД СЕГОДНЯ

Как сегодня мы можем оценить этот перевод? Вполне очевидно, что он надолго останется главной русской Библией, и не только для православных людей. Вместе с тем, никто и никогда не объявлял его безошибочным или единственно возможным. Поэтому, отмечая его несомненные достоинства, можно говорить и о недостатках.

Прежде всего, как уже и отмечалось, это стиль, причем не только его тяжеловесность и архаичность. Можно сказать, что Синодальный перевод практически не отражает стилистическую разницу между разными жанрами и авторами, передавая послания или псалмы примерно так же, как и повествование либо законоположения.

Главное, что стиль порой оказывается чрезмерно тяжелым, те же Послания без дополнительной справочной литературы просто невозможно бывает понять.

Встречаются в переводе и непоследовательности. Так, упомянутые в исторических книгах Екрон и Аккарон – на самом деле один город. Одно из еврейских имен встречается в Ветхом Завете всего одиннадцать раз в трех книгах, и оно переведено четырьмя разными способами: Елиав, Елигу, Елия, Илий. Непоследовательность касается, конечно же, не только имен собственных. В новозаветных посланиях нередко оказывается так, что одно и то же слово, имеющее ключевое значение, переводится по-разному даже в пределах одной главы, например, пресловутое дикайосюнэ (см. 12-ю главу) – как «правда» и тут же как «праведность», что разрушает логику текста.

Порой у нас есть сегодня основания думать, что переводчики допустили ошибку.

Наиболее яркий пример уже разобран в 10-й главе – это 2 Царств 12:31, где говорится, что царь Давид якобы истребил всех аммонитян, хотя он, скорее всего, лишь заставил их работать.

Есть у Синодального перевода и еще одна особенность, которую трудно назвать недостатком, но которая заставляет задуматься о возможности иных переводов. Как уже было сказано, его ветхозаветная часть в основном следует древнееврейскому тексту.

Сложилось так, что Септуагинта уже переведена на основные европейские языки, кроме русского, и этот пробел, безусловно, стоит восполнить.

В настоящее время выходят новые переводы Библии, основанные на разных принципах и ориентированные на разные аудитории, мы поговорим о них в следующей главе. Вполне можно представить себе и появление обновленной редакции Синодального перевода, с учетом новейших научных достижений и изменений в русской стилистике, а можно представить себе и новые переводы для церковного читателя.

Андрей Десницкий

ФЁДОР СОЛОГУБ

Не свергнуть нам земного бремени.
Изнемогаем на земле,
Томясь в сетях пространств и времени,
Во лжи, уродстве и во зле.

Весь мир для нас — тюрьма железная,
Мы — пленники, но выход есть.
О родине мечта мятежная
Отрадную приносит весть.

Поднимешь ли глаза усталые
От подневольного труда —
Вдруг покачнутся зори алые
Прольется время, как вода.

Качается, легко свивается
Пространств тяжелых пелена,
И, ласковая, улыбается
Душе безгрешная весна.

«Если кто, – пишет Макарий Великий, – ради Господа отрешится от мира сего, откажется от мирских наслаждений... (но) вместо мирского спокойствия не обретет в себе Божественного упокоения, вместо временного наслаждения не ощутит в душе своей утешения духовного, вместо видимой радости мира сего не будет иметь внутри себя утешения небесной благодати, – то стал он солию обаявшею, он жалок паче всех людей: и здешнего лишен, и Божественным не наслаждался, то есть не познал по действию Духа, во внутреннем своем человеке, Божественных тайн».

Я многократно читал эти поразительные слова, я несколько раз помещал их в свои работы, и вот я снова не могу не повторить их, не могу оторваться от их глубины.

Есть слова, особенно нужные каждой церковной эпохе. Приведенные слова нужны нашей церковной эпохе, как чистый воздух для жизни, как единственный, сияющий во мраке истории зеленым светом светофор.

Христианство больше не может существовать без вдохновения Святым Духом, мы больше не можем задыхаться, не ощущая Его духоносного водительства, реально нами осознаваемого. Мы пресыщены формализмом всех сортов. Раньше считалось, что если ты не стал монахом, то ты еще не настоящий христианин, а на слова святых, что «монаха делает не одежда и даже не посвящение, а божественное желание и небесное (то есть праведное) житие», отвечали, что это, дескать, «высокоумие, а мы смиренны»; теперь таким же формальным восприятием христианства становится стремление утвердить его как социальное учение, как организацию, имеющую целью социальное спасение мира. Радости Святого Духа и Его любви мы здесь так же не найдем, как мы не находили радости и любви, безрадостно произнеся подряд сто сорок четыре раза слово «радуйся» в акафистах. Все мертво без Духа Святого. По учению святых, Дух Святой открывает Себя ощутительно только по мере делания заповедей: не исполняющему воли Христовой Он не откроется.

Но мы уже выше евангельских заповедей: в них сказано о том, чтобы любить своих врагов и терпеть их удары, а это несовместимо с социальными задачами и отвлекает от собой наполненного самоспасания. Мы подвижничили и постились, забывая о жертвенной Христовой любви, недоступной без Духа Святого, ибо это Он, как поведали святые, был «Свидетель страданий Иисусовых». Если, как сказал апостол, «никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1 Кор. 12:3), то как же без Него можно приблизиться к тайне и силе Голгофы, к ее любви? Но ведь именно вне Голгофы или помимо Голгофы мы хотим устроить новое, «неархаическое» христианство, долженствующее разрешить социальный вопрос. «Мы устали от мистики и досто-е-

щины, – говорим мы. – Это устарело для атомного века». «Иисус Христос, – сказал апостол, – вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13:8). Тут уже не инакомыслие о Христе, которое когда-то разрешалось на Соборах. Тут два разных Христа. «Ученики исполнялись радости и Духа Святого», – говорится в Деяниях о первохристианах (Деян. 13:52), то есть о людях, которые должны были жить в ожидании изгнания, мучений и смерти. И мы, отдавая себе во всем этом отчет, осознали, что не можем больше жить без этой радости Духа, готовящей наши сердца и на Голгофу, и на Воскресение. Эта радость Духа – все та же – и вчера, и сегодня, и в атомный век, ибо она есть все то же реальное причастие еще здесь, на земле, Божественной жизни и нетления. Надо искать его, томиться без него, надо снова возжечь его, это причастие Духа, подвигом жизни. «Духа не угашайте», – заповедано нам (1 Сол. 5:19). Да, мы грешные; да, мы не святые, но мы, именно осознавая свою грешность, должны искать ощутимого водительства Божия. И мы должны быть как бы дерзновенны в этом, ибо мы знаем, что искать этого означает искать в то же самое время исполнения заповедей, ибо только через подвиг открывается благодать Духа. «Держайте, ибо Я победил мир» (Ин. 16:33). Нельзя больше жить в мертвой пустыне недуховности, неслышания в сердце Бога. И в нас должна услышаться песня славословия Господу, чувство реального осознания Его пути. «Песнь Господня, путь Господень!» – говорит сердце и познает себя в них, познает и видит своего Спасителя.

«Видел я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался. Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и

плоть моя упокоится в уповании» (Деян. 2:25–26). Эти слова сказал Петр толпе людей, готовых стать первохристианами. Так и мы – последние христиане истории – стоим перед Богом, и мы должны «видеть Его», чтобы «быть непоколебимыми», чтобы и наш «язык возвеселился», видя зарю Духа, в которой открывается и познается вся подлинность христианства.

С. Фудель

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

- Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.-
Тихо ответили жители:
- Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травкою зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать -
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

ФЕРАПОНТОВО

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте.
И однажды возникли из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, не бывалой досель...
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...

Расписание богослужений с 18 по 24 июня 2018 г.		
18 июня Понедельник	Сщмч. Дорофея, еп. Тирского	
19 июня Вторник	Прп. Виссариона, чудотворца Египетского	
20 июня Среда	Сщмч. Феодота, еп. Анкирского	
21 июня Четверг	Вмч. Феодора Стратилата	8:30 Утреня. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
22 июня Пятница	Свт. Кирилла, архиеп. Александрийского	
23 июня Суббота	СВТ. ИОАННА, МИТР. ТОБОЛЬСКОГО	8:30 Утреня (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
24 июня Воскресенье	НЕДЕЛЯ 4-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ, ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ, ИМЕНУЕМОЙ «ДОСТОЙНО ЕСТЬ»	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста <i>/все священнослужители/</i>

СВ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

НЕВИДИМАЯ БОРЬБА

Если бы открылись умные очи наши, что увидели бы мы вокруг и около себя? С одной стороны – светлый мир Божий, ангелов и святых, с другой – полчища темных сил и увлеченных ими умерших грешников. Посреди их люди живущие, одна часть которых склонилась на светлую, другая на сторону темную; средняя полоса как будто оставлена для борьбы, в которой иные побеждают, иные побеждаемы бывают. Одних бесы тащут, уже побитых, в свою темную область; другие стоят и бьются, принимают и дают поражения: кровь из ран и раны за ранами, а все стоят. До самой земли приклоняются от силы ударов и истощения сил, а снова выпрямляются и снова пускают стрелы во врагов. Кто видит их труды? Бог один. При них ангелы-хранители неотступно, над ними свыше нисходящий луч света благодатного.

Всякая помощь борющемуся готова, но она должна быть принята самоохотно. Склонение воли – условие ее силы. Коль скоро человек сознанием и свободою стоит на стороне добра, то и свет благодати, и ангелы при нем. Но коль скоро самовластие его склоняется на сторону греха, луч благодати отходит от него, и ангел отступает. Тогда человека обступают темные силы, и – падение готово. Связывают его пленицами мрака и уносят в темную область. Спасется ли он, и кто спасет? Спасется, и спасет его тот же ангел Божий и та же благодать. Воздохнет грешник – и они приступают и научают персты его на брань со тьмою. Если вонмет – встанет и опять начнет поражать врагов, отогнанных и уже издали мечущих стрелы. Вознерадит – опять падет, возбодрствует – опять восстановлен будет. Доколе же? Доколе, пока придет смерть и застанет его или в падении, или в восстании.

ЧУВСТВО ВЕРЫ

Господь, все содержащий в деснице Своей, держит и всякую душу. Чем же душа отвечает на это? Неотразимым исповеданием того, что есть Бог, от Которого как все, так и она зависит и в бытии, и в действовании, и в конечной участи. Это исповедание глубоко лежит в сердце как чувство или чутье. Оно не принадлежит разуму; напротив, когда разум, принимая то исповедание от сердца, начнет сам собою доходить до последних основ его, то теряет, а нередко заглушает его и в сердце на время. Тут происходит то же, что случилось с психологами, пристрастными к осязательности. Стали они доискиваться души, чтобы осязать ее, – и потеряли душу. Так и в деле веры. Нужно искать не осязательной доказательности, а только развивать то чувство. В этом и разум может быть помощником, может способствовать развитию религиозного чувства размышлением. Для этого ему исстари указаны известные четыре доказательства бытия Божия. Они показывают след Божий, и даже не след только, но как бы некое очертание лика Божия. Когда разум уяснит себе все эти показания как следует, то словно зеркало какое наводит на сокрытое в сердце чутье. Усмотрев себя в этом зеркале, оно сочетается с тем ликом воедино и становится определенным исповеданием, или разумною верою. Так в порядке естественном. Но тут остается еще много пробелов. Их дополняет Божественное Откровение и сверх того прибавляет еще нечто такое, что не есть придаток для прикрасы, а дело существеннейшее, без которого все предыдущее – ничто. Сюда принадлежит таинство Пресвятой Троицы, воплощение Бога Слова и все домостроительство нашего спасения. Последнее – что голова на теле, что глаза в портрете. Таково все здание веры. Основа – чувство Божества; далее идет естественное боговедение, затем – Божественное Откровение, которое одною стороною довершает только естественное ведение, а другою, существеннейшею, придает нечто новое, отчего все принимает настоящий вид. Ограничивающиеся только тем, что веруют в бытие

Божие, в промышление, будущую жизнь и воздаяние, походят на здание без купола, на тело без головы. А безбожники? Эти уж выступили из натурального чина: они принадлежат к тому же классу, к какому уроды и умалишенные.

СОЗЕРЦАНИЕ И ДЕЯНИЕ

Всякое дело имеет видимую и невидимую сторону, деятельную и созерцательную. Истинно богоугодное дело, по учению святого Исаака Сириянина, есть сочетание созерцания и деяния. Созерцание составляют мысли, возбуждающие и руководящие в деятельности; деяние же есть совершаемое вследствие того дело. Например, подаяние милостыни есть деяние, а видение в нищем Господа есть созерцание; терпение обид и напраслин – видимое деяние, а мысль, воодушевляющая к терпению, есть созерцание; стояние в храме или дома пред иконами, положение поклонов с крестным знамением, чтение и слушание молитв есть видимая сторона молитвы, а умное при сем предстояние Богу в сердце со страхом и трепетом есть сторона созерцательная. В каноне покаянном святого Андрея Критского это названо деянием и разумом, и значение их указано в примере Лии и Рахили. А иным кажется, будто созерцание есть дело только глубоких отшельников; между тем как оно есть дело, обязательное для каждого и при каждом поступке. Действие, без соответствующего созерцания, есть тело без души, или истукан бездыханный, имеющий подобие живой твари, но не имеющий жизни. Созерцание же и одно ценно; например, не имеющий что подать нуждающемуся, но искренно болезнующий о его нужде, равно как безрукий и безногий, не могущий стоять на молитве, но умом непрестанно припадающий к Богу, совершают вполне дело Божие, обязательное для них в их обстоятельствах. Отсюда сам собою решается вопрос: как без добрых дел спасались уходящие в леса и скрывавшиеся в пещерах. Все добродетели они имели в сердце, обладали, следовательно, существенною стороною добродетели – созерцанием.